

Игнатъев В. Г.¹, Затравкин С. Н.^{1,2}

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ «СТАРОГО» ФАРМБИЗНЕСА (2008—2011).
СООБЩЕНИЕ 1. УГРОЗЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ**

¹ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва;

²ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 115088, Москва, Россия

Данный цикл статей посвящен анализу политики безопасности в области лекарственного обеспечения населения Российской Федерации. Первое сообщение раскрывает причины резкого разворота правительства к фармацевтическому рынку и фармацевтической промышленности в 2007—2008 гг. На основе публикаций, авторских интервью и уникальных протокольных документов из архива правительства выявляются логика и последовательность выработки нового регуляторного соглашения между фармацевтическим бизнесом и российским государством.

Ключевые слова: история фармации; фармацевтический рынок; постсоветская Россия

Для цитирования: Игнатъев В. Г., Затравкин С. Н. Государственная модернизация «старого» фармбизнеса (2008—2011). Сообщение 1. Угрозы и безопасность. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(специальный выпуск 1):711—716. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-711-716>

Для корреспонденции: Затравкин Сергей Наркизович; e-mail: zatravkine@mail.ru

Ignatiev V. G.¹, Zatravkin S. N.^{1,2}

**GOVERNMENT MODERNISATION OF THE 'OLD' PHARMACEUTICAL BUSINESS (2008—2011).
REPORT 1. THREATS AND SECURITY**

¹N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russia;

²Research Institute of Health Care Organization and Medical Management of the Moscow Health Care Department, 115088, Moscow, Russia

This series of articles analyses the drug safety policy of the Russian Federation. The first report reveals the reasons behind the government's dramatic turnaround in the pharmaceutical market and pharmaceutical industry, which emerged in 2007—2008. Based on publications, author interviews and unique protocol documents from the government archive, the logic and sequence of a new regulatory agreement between the pharmaceutical business and the Russian state are revealed.

Keywords: history of pharmacy; pharmaceutical market; Post-Soviet Russia

For citation: Ignatiev V. G., Zatravkin S. N. Government modernisation of the 'old' pharmaceutical business (2008—2011). Report 1. Threats and security. *Problemi socialnoi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2023;31(Special Issue 1):711–716 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-711-716>

For correspondence: Sergey N. Zatravkin; e-mail: zatravkine@mail.ru

Source of funding. This study was not supported by any external sources of funding.

Conflict of interest. The authors declare no apparent or potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Received 27.02.2023

Accepted 28.04.2023

В рассматриваемое время жизнь российской фармы проходила под пристальным вниманием к ней со стороны государства. Никогда прежде представители властных структур не были так заинтересованы в производстве лекарств и не осуществляли столь масштабных интервенций в жизнь фармы, в том числе посредством изменений законодательства. Правительственные распоряжения, декларации, регуляторные акты затронули все стороны жизни фармы: от научных разработок молекул — кандидатов будущих лекарств до ценообразования на готовую продукцию. Данный разворот политической власти к частному бизнесу осуществлялся с целью обеспечения национальной безопасности и усовершенствования (модернизации) фармацевтической отрасли.

Олицетворением этого разворота стало принятие государственной «Стратегии развития фармацевтической промышленности на период до 2020

года» (вначале в юридическом статусе приказа Минпромторга РФ, затем как федеральной целевой программы и, наконец, как государственной программы). В этих документах фармацевтическая отрасль была названа сферой национальных (а следовательно, государственных) интересов и даже пространством стратегической безопасности. Участники рынка быстро сократили длинное название стратегии до формулы — «Фарма 2020».

Выстраивание новых отношений потребовало от правительственных экспертов специфических знаний: изучения публикаций о Big Pharma, о внутренней жизни российской отрасли, мониторинга рынка, а также рефлексии над собственными целями. На выходе стратегия предусматривала предоставление фармбизнесменам ряда привилегий, но при этом обозначила государственную важность стоящих перед ними задач, социальную ответственность и необходимость соблюдения национальных интересов.

Суверенность и безопасность

К потребности обозначить новые государственные приоритеты в пространстве фармы правительство подтолкнули несколько обстоятельств, прежде всего — новая идеология суверенитета и безопасности.

Во второй половине 2000-х гг. понятия «суверенность» и «безопасность» стали едва ли не самыми частыми в риторике руководства страны. Под «суверенностью» понималась возможность обходиться без транснационального взаимодействия, своего рода самообеспечение и экономические «игры по собственным правилам» [1]. Подразумевалось, что глобализация противодействует этому, а потому стала интерпретироваться как вероятная угроза.

«Суверенность» шла рука об руку с понятием «безопасность». Руководители страны говорили о многообразии существующих рисков и угроз, были введены понятия: «репродуктивная», «демографическая», «продовольственная», «информационная» и даже «семейная» безопасность. На все эти угрозы государство должно было ответить созданием защитных институтов и выделить для этого дополнительные ресурсы. Такой способ консолидации против реальных и потенциальных врагов — один из самых надежных, в той или иной мере используется во всех странах.

В российский политический словарь расширительная трактовка безопасности пришла из европейских политических теорий, прежде всего Копенгагенской школы конструктивизма и Парижской школы. Дело в том, что на европейских языках это понятие передается двумя разными терминами: *insurance* и *securitization*. Лингвистические особенности порождают и недопонимание, и возможности риторических манипуляций. Раньше безопасность значила в российской политике охрану государственных границ и территорий, ответ на военные угрозы [2]. Датские политологи Д. Бузан и Дж. Девильде интерпретировали ее в качестве дискурсивной тактики, в которой актор (чаще всего государство) возводит любую проблему в ранг коллективной угрозы и оставляет за собой право на чрезвычайные действия в обход стандартных политических процедур [3].

Применение данной практики, уверяют представители этой школы, соблазнительно для любой власти, но успех зависит от готовности «аудитории» воспринимать апелляцию к страхам. Обычно люди принимают те аргументы, которые соответствуют их уже сформированным представлениям об окружающей реальности. Очевидно, поколение россиян, прошедших через слом советского уклада жизни и социалистических ценностей, пережившие голодные и криминальные 1990-е гг., испытавшие на себе реформы всего и по много раз, кризисы политической власти, дефолты и обнуление накоплений, были готовы к новым и новым нападениям, видели везде внешних и внутренних врагов. В этом смысле

это идеальная аудитория для алармистской политики.

Представители Парижской политической школы сдвинули изучения риторики в сторону исследования ежедневных практик профессионалов в области безопасности. Благодаря этому они обнаружили тесную связь политики секьюритизации с биополитикой, в том числе медицинской биополитикой [4]. Предложивший данный термин Мишель Фуко понимал под ним искусство управлять телами людей ради извлечения максимальной экономической выгоды [5]. В регулировании жизни народонаселения практики безопасности опираются на большие данные (сведения об индивидах) и производят их сортировку на «хороших» и «плохих» с точки зрения экономической продуктивности. При этом профессионалы безопасности вольны решать, что является и что не является угрозой для экономики и коллективных интересов, как изолировать или нейтрализовать негативную динамику или группу.

Эти теории не изобретали реальности, а фиксировали тенденции в международных отношениях и внутренних политиках государств. А всем участникам постбиполярного мира в начале третьего тысячелетия приходилось действовать в условиях ослабления территориальности, т. е. экономической глобализации, широких миграционных движений и нового типа войн — террористических. Собственно, эти новые условия и способствовали изменению представлений о безопасном и небезопасном.

На 32-м саммите глав государств и правительств «Большой восьмерки» (Санкт-Петербург, 2006) лидеры G8, в которую тогда входила Россия, обсуждали широкий круг проблем, включая так называемую «безопасность человека». Одним из ее аспектов была признана борьба государств с инфекционными болезнями. Их распространенность обходилась дорого любому государству, сдерживала темпы экономического развития. А поскольку лечение и профилактика таких заболеваний, как ВИЧ/СПИД, туберкулез, малярия, птичий грипп, требует лекарств, вакцин и бактерицидных средств, то фармацевтическая промышленность интерпретировалась участниками встречи как своего рода оборонная отрасль. Возможно, именно в ходе этой встречи представители России впервые заговорили о фармацевтике как сфере государственного и оборонно-стратегического значения. Во всяком случае после саммита стало заметно изменение рассуждений политиков о фарме. «Отечественная промышленность практически не выпускает фармацевтические субстанции, — беспокоился, например, председатель Государственной думы Борис Грызлов. — Давно назрела необходимость выработки концепции развития медицинской отечественной промышленности. Считаю это вопросом национальной безопасности», — заявил он [6].

Другим важным стимулом для разработки «Фармы 2020» послужил масштабный кризис программы Дополнительного лекарственного обеспечения в конце 2006 г.—начале 2007 г. К этому времени долг

государства перед поставщиками медикаментов достиг астрономических 2,5 млрд долл., а социальная напряженность нарастала темпами, прямо пропорциональными скорости исчезновения льготных лекарств из аптек. В разрешении сложившейся ситуации оказалось вовлечено практически все руководство страны, которое таким образом более предметно познакомилось с положением дел на российском фармрынке.

Угрозы для фармы

Новая политическая концепция и старая финансовая проблема побудили государственных служащих заявить о модернизации российского рынка лекарств и необходимости его защиты от «чужаков». Это повлекло за собой реинтерпретацию ранее благостных министерских данных о развитии фармацевтической отрасли.

По данным отчетов министерств, все в деле производства и продажи лекарств выглядело неплохо. Министерство промышленности и энергетики сообщало, что российская фармпромышленность насчитывает 525 предприятий (а по данным Минздравсоцразвития еще лучше — их 640), на которых в 2007 г. было занято более 65 тыс. человек. Как уверяли ведомственные данные, эти предприятия производили до 3000 наименований лекарств на сумму 62 млрд руб. Степень износа основных фондов составляла 60%, загрузка производственных мощностей — 78%, а средняя рентабельность по отрасли — 17% [7].

При более тщательном изучении и рассмотрении с иного угла зрения выяснялось, что из сотен предприятий только несколько десятков работают по мировым стандартам (GMP), и что самые устойчивые принадлежат иностранным компаниям. Сквозь призму обеспечения безопасности чиновники сочли, что такая ситуация содержит огромные риски для государства: иностранцы не заинтересованы в модернизации российских фармпредприятий, желая от них только быстрых денег. В результате эти предприятия устаревают, и страна может в какой-то момент остаться без собственных лекарств или будет вынуждена считаться с условиями западной Big Pharma.

Подавляющее большинство выпускавшихся отечественными предприятиями препаратов были морально устаревшими дженериками. Об этом правительство знало и раньше. Главным образом, это были непатентованные препараты, запущенные в производство еще в советские времена, готовые лекарственные средства из растительного сырья, а также комбинированные препараты и витамины [8]. Многие предприятия выпускали одни и те же готовые лекарственные средства. Так, из 10 наиболее продаваемых медикаментов 7 изготавливали 5 компаний, а 2 — более 50. Это порождало высокую конкуренцию производителей и, как следствие, либо низкую, либо отрицательную рентабельность. Все это никак не могло обеспечить суверенность.

Еще большая опасность виделась в растущей зависимости россиян, а следовательно, и властей, от импорта. В условиях мирного времени и продолжающейся глобализации рынка лекарств это не было проблемой. Но для суверенной России это стало вызовом и изменило отношение политиков к оппозиции «свой—чужой». Тревогу вызывала очевидная тенденция: при устойчивом росте российского фармрынка доля препаратов отечественного производства на нем снижалась — с 60% в 1992 г. до 20% в 2006 г. (объем представлен в денежном выражении). В структуре государственных закупок на отечественные лекарственные средства приходилось всего 16% (воспроизведенные лекарства — 15% и оригинальные российские препараты — 1%).

Правительственные эксперты уверяли, что столь низкий процент российского представительства в обращении лекарств чреват угрозами: бюджетные средства и деньги россиян уходят на развитие западной фармпромышленности, а зависимость России от импорта лекарственных средств (в том числе жизненно важных) превосходит все допустимые пределы. Для убедительности сторонники securitization ссылались на Японию, Великобританию и США, где собственная фармпромышленность обеспечивала страну на 70—90%. «Сегодня... доля [отечественных фармацевтических предприятий — авт.], — на рынке не превышает 20% в стоимостном выражении, — делился с россиянами тревогой президент. — Остальное — импорт. Причем зарубежные лекарства часто продаются у нас по ценам, в разы более высоким, чем в других странах. Это невозможно объяснить даже дополнительными транспортными расходами, которые составляют не более 0,2% от стоимости. Один из основных финансовых источников... — это гарантированный сбыт лекарств, в том числе через механизмы государственных и других централизованных закупок, объем которых в нашей стране достаточно большой — он составляет порядка 230 млрд руб. в год. Однако отечественный производитель такой возможности — на постоянной и длительной основе иметь рынок — лишен. Так, в рамках федеральных программ лекарственного обеспечения на долю российских препаратов приходится менее 10% объемов контрактов. То есть, отечественный производитель, по сути, — гость на собственном рынке»¹.

В контексте курса на суверенность приобретение российскими производителями иностранных субстанций интерпретировалось как свидетельство технологической отсталости. Если в 1992 г. Россия производила 272 вида фармацевтических субстанций объемом 17,5 тыс. тонн и обеспечивала себя ими для производства синтетических лекарственных средств на 70%, антибиотиков — на 85%, витаминов — на 90%, иммунобиологических препаратов — на 100%,

¹ Совещание «О стратегии развития фармацевтической промышленности», состоявшееся 09.10.2009 в Зеленограде на производственной площадке «Биннофарм». URL: <http://archive.government.ru/special/docs/7859/>

то к 2007 г. общее производство субстанций по номенклатуре снизилось более чем в 3 раза, а в натуральном выражении — почти в 18 раз. В том числе субстанций для изготовлений синтетических лекарств — в 12 раз, антибиотиков — в 100 раз, витаминов — в 500 раз. Из субстанций отечественного производства изготавливалось не более 13—15% лекарственных средств, а объем импорта субстанций в денежном выражении составлял более 100 млн долл. в год [9].

Не могло породить национальной гордости и крайне малое число инновационных лекарств, выведшихся российскими производителями на рынок. В качестве основной причины такого положения дел назывался разрыв в цепочках взаимодействий и в первую очередь — между академической наукой и фармпроизводителями. «В России сформировалась кризисная ситуация, когда ученые заявляют, что продукты есть и они созданы, а рынок их не видит,— признавался директор по развитию ОАО «Отечественные лекарства» Андрей Белашов,— Мало создать и произвести препарат. Его еще нужно умело довести до потребителя, сделать информацию о нем доступной, а целевой аудитории еще и продемонстрировать уникальные свойства и преимущества этого продукта перед существующими конкурентами. Это могут себе позволить компании, которые имеют не только грамотно разработанную маркетинговую стратегию, но и колоссальный ресурс в виде сотрудников, работающих с врачами и провизорами. А таких немного» [10].

Нежелание даже относительно крупных по российским меркам фармкомпаний «замечать» результаты научных разработок российских академических коллективов было связано в первую очередь с тем, что они не видели смысла в подобного рода инвестициях. Big Pharma, вкладываясь в новый препарат, рассматривала в качестве рынка сбыта весь мир, а потому могла себе позволить многомиллионные расходы на его разработку и продвижение. Российские же производители были ограничены отечественным рынком. Недостаточный уровень лабораторных (отвечающих международным стандартам надлежащей практики — GLP) и клинических (GCP) исследований, а также производственных стандартов (GMP) не оставлял надежд на успех экспорта. В результате продукт с объемом продаж более 5 млн долл. (сумма, которая у западных фармгигантов, уходила только на его регистрацию) для российских производителей считался вполне успешным. Неудивительно, что отечественные фармкомпании предпочитали вкладывать деньги не в создание инновационных молекул, а в производство дженериков лекарственных средств, утративших патентную защиту². «В результате в начале 2007 г. был поставлен диагноз — фармы у нас нет, — вспоминал депутат Государственной Думы С. А. Наумов. — И развилка была очень простая. Или мы и дальше, не имея своих компетенций в производстве по стандартам GMP, «распахиваем» весь госзаказ Большой Фарме, Индии и Китаю, или мы принима-

ем какие-то особенные масштабные политические решения. Не политизированные, а именно политические»³.

Наконец, третьим фактором, побудившим разработать «Фарму-2020», была заинтересованность в ней конкретных акторов, в данном случае руководства Минпромэнерго. Начиная с 2004 г., выполняя поручения президента, министр промышленности и энергетики В. Б. Христенко старался расширить трансфер в Россию передовых промышленных технологий через глобальное партнерство и иностранные (прежде всего западные) инвестиции. Благодаря его усилиям в 2004—2006 гг. поднялось российское автомобилестроение. Введя льготный режим и предоставив преференции, правительство смогло привлечь капиталы и локализовать на территории России около 20 ведущих автоконцернов мира. После этого успеха Христенко и его команда начали искать новые сферы привлечения инвестиций, в числе которых оказались химическая и фармацевтическая промышленность.

Модернизаторы

Первым шагом на пути создания фармацевтической промышленности стало совещание 22.03.2007 у первого заместителя Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева, названное «О мерах по развитию отечественной фармацевтической промышленности». Как следует из его протокола, в совещании приняли участие руководители Минздравсоцразвития и Минпромэнерго, двух агентств (Росздравнадзор и Роспром) и представители российских фармпроизводителей. Фармацевтическую отрасль представляли президент Союза Ассоциации российских фармацевтических производителей Ю. Т. Калинин, генеральный директор этой Ассоциации Л. В. Титова, генеральный директор ОАО «Фармстандарт» И. К. Крылов, генеральный директор ОАО «Акрихин» И. И. Тюляев, заместитель генерального директора ОАО «Отечественные лекарства» А. Е. Итин, первый заместитель генерального директора ОАО «Верофарм» М. В. Пенькова. Кроме них были приглашены директор ГУ «Государственный институт кровезаменителей и медпрепаратов» Г. Н. Хлябич и сотрудники аппарата правительства.

По результатам обсуждения было решено создать межведомственную рабочую группу из чиновников Минздравсоцразвития, Минпромэнерго, Минфина и Минэкономразвития, а также руководителей фармпредприятий и профессиональных сообществ. Ей предстояло разработать рабочий план восстановления производства фармацевтических

² Выпуском и продвижением оригинальных отечественных препаратов занимались преимущественно небольшие компании: «Ферон» (виферон), «Герофарм» (кортексин, ретиаламин, ринсулин), «Петровакс» (полиоксидоний, гриппол, лонгидаза), «Медикор» (галавит), «ЭкоФармИнвест» (мексикор), «МираксФарма» (индинол, эпигаллат), «Мастерлек» — афобазол, арбидол, амиксин; «НТФФ» (Полисан) — циклоферон, реамберин, «Макиз-Фарма» — ацизол; «НПК «Фармасофт» — мексидол [10].

³ Интервью С. Н. Затравкина с С. А. Наумовым 13.06.2022.

субстанций; стимулировать инновации и инвестиции; развивать производства эффективных отечественных лекарственных средств для лечения социально значимых заболеваний и совершенствовать действующее законодательство.

И хотя большинство членов рабочей группы, по обыкновению, составили «тяжеловесы», в нее попали и малоизвестные на тот момент игроки, такие, например, как специалисты из группы компаний «ХимРар». «Нас позвали на группу как экспертов по инновациям», — признался корреспонденту VADEMECUM председатель Совета директоров группы компаний «ХимРар» А. А. Иващенко. И это приглашение станет знаковым, поскольку именно специалистам «ХимРар» будет суждено сыграть ведущую роль в разработке стратегии развития российской фармацевтической отрасли.

Какое-то время у бизнеса и Правительства ушло на запуск новой программы. В алгоритме бюрократических согласований прошла череда обсуждений на различных площадках — в ходе парламентских слушаний в Совете Федерации и Государственной Думе, заседаний Комиссии по здравоохранению Общественной палаты, Комиссии по здравоохранению и медицинской промышленности РСПП и др. Полученные от них предложения не были оригинальными и сводились к двум пожеланиям: 1) защитить отечественного производителя, возведя административные и правовые барьеры для иностранных конкурентов; и 2) осуществить государственную модернизацию российских фармпроизводств. То и другое предполагалось достичь через отмену ввозных таможенных пошлин и НДС на оборудование, комплектующие изделия и сырье; через возмещение части затрат по кредитам на закупку технологического оборудования и комплектующих для производств; предоставление налоговых льгот предприятиям, строящим новые цеха или модернизирующим производство в соответствии с требованиями международных стандартов.

И раз фармацевтика стала одним из государственных приоритетов, под нее создали управленческие институты. В структуре Минпромэнерго был учрежден департамент химико-технологического комплекса и биоинженерных технологий. 14.12.2007 его руководителем был назначен С. А. Цыб, который в дальнейшем координировал разработку стратегических документов⁴.

Ускорение бюрократических процедур совершилось после прямого вмешательства Президента, который 09.02.2008 провел оперативное совещание Совета безопасности Российской Федерации «О ме-

рах по обеспечению населения, учреждений системы здравоохранения и Вооруженных сил РФ лекарственными средствами отечественного производства». На совещании присутствовали все постоянные члены Совбеза: премьер В. Зубков, первый вице-премьер Д. Медведев, первый вице-премьер С. Иванов, министр иностранных дел С. Лавров, министр внутренних дел Р. Нургалиев, министр обороны А. Сердюков, директор ФСБ Н. Патрушев, глава Службы внешней разведки М. Фрадков, глава президентской администрации С. Собянин, спикер Совета Федерации С. Миронов, спикер Госдумы Б. Грызлов, а также специально приглашенный глава Минпромэнерго В. Христенко. Впервые заседание Совбеза было полностью посвящено фармацевтической отрасли. Оно перекодировало лекарственное обеспечение из проблемы социальной политики в проблему национальной безопасности. И, как признался С. А. Наумов, эта установка осталась ведущей в правительственной политике в следующее десятилетие⁵. Теперь применительно к фарме все говорили о рисках и безопасности.

Впоследствии главе Правительства В. В. Путину пришлось даже успокаивать особо тревожных сотрудников. «Здесь не должно быть никаких теорий заговора, не нужно лишний раз все говорить о национальной безопасности, упоминать такие серьезные сферы, — рекомендовал он на совещании по федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу», состоявшемся 08.12.2010 на производственных площадках «ХимРар». В то же время В. В. Путин подтверждал существование опасностей и угроз: «Но мы действительно попадаем в зависимость от действий отдельных монопольных производителей в других странах, — отмечал он. — Я уже не говорю о каких-то вопросах, связанных с национальной безопасностью, но это чревато возможным дефицитом и скачками цен на препараты. Собственно говоря, мы это с вами время от времени и видим, наблюдаем. И такое положение, разумеется, устраивать не может»⁶.

Возвращаясь к заседанию Совбеза 2008 г., отметим, что его участники среди первоочередных задач фармацевтической отрасли назвали повышение конкурентоспособности российской промышленности; увеличение доли лекарств отечественного производства в программах льготного лекарственного обеспечения; стимулирование разработки и производства новых лекарственных препаратов; защиту отечественных производителей от конкуренции зарубежных компаний. Совбез также обратил внимание профильных министерств на необходимость «перевооружить российскую фармотрасль, уstra-

⁴ Сергей Анатольевич Цыб в 1991—1996 гг. был коммерческим директором экспериментального межотраслевого научно-производственного центра «Апекс» (Москва), затем последовательно занимал должности генерального директора в ТОО «РКЦ» (Москва, 1996—1999), ЗАО «Медбиофармацентр» (Москва, 2000—2006), ООО «Радиопрепарат» (Москва, 2006—2007). В последующем свой опыт государственного управления фармотраслью он обобщил в диссертации «Стратегическое управление отраслевым развитием: на примере фармацевтической промышленности» (2009).

⁵ Интервью С. Н. Затравкина с С. А. Наумовым 13.06.2022.

⁶ Путин В. В. На совещании по федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу». URL: <http://archive.government.ru/docs/13300/>

нить меры административных барьеров в системе подтверждения соответствия качества лекарств и совершенствовать систему подготовки кадров для фармпромышленности». Кроме того, Совбез выступил с инициативой внести изменения в федеральный закон «О лекарственных средствах» в части, касающейся совершенствования отношений в сфере обращения лекарственных средств, с целью защиты интересов и приоритетов отечественной фармацевтической отрасли [11]. Правительству было поручено разработать и принять соответствующую стратегию развития в срок до 01.10.2008.

Итак, в рамках новой политической концепции суверенности и безопасности российской фармацевтике был присвоен статус стратегически значимой отрасли, требующей повышенного внимания и протекционизма со стороны государства. И коль скоро опасности виделись в глобальной торговле и зависимости от Big Pharma, то политика безопасности и суверенности поменяла приоритеты в государственном регулировании российского фармрынка. С этого момента не торговля, а производство стало объектом внимательного изучения и патернализма.

Авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдаев О. С. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности // Вестник МГИМО. 2022. № 1. С. 7—37.
2. Акопов С., Прошина Е. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «Далеких местных» // Власть. 2011. № 1. С. 89—92.
3. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: a new framework for analysis*. L.; 1998.
4. Dillon M. Biopolitics of security in the 21st century; an introduction // *Rev. Intern. Stud.* 2008. Vol. 34, N 2. P. 269—280

5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.; 1996.
6. Романова С. А., Хабенский Б. М. Стратегическая роль отрасли в обеспечении национальной безопасности страны // *Ремедиум*. 2008. № 4. С. 6—14.
7. Иващенко А. А., Кравченко Д. В. Концепция инновационного развития отечественной фармацевтической отрасли // *Ремедиум*. 2008. № 5. С. 6—13.
8. Бучина А. Отечественный сегмент фармацевтического рынка России // *Ремедиум*. 2008. № 1. С. 22—24.
9. Федотова О. Отечественная фармпромышленность: реальность развития отрасли // *Ремедиум*. 2007. № 8. С. 28—31.
10. Широкова И. Россия на рынке инноваций // *Ремедиум*. 2008. № 1. С. 25—28.
11. Свечкопалова Г. Чиновники спешат на помощь фармпромышленности. Сроки разработки стратегии ее развития сократили на два месяца // *Фармацевтический вестник*. 2008. № 10.

Поступила 27.02.2023
Принята в печать 28.04.2023

REFERENCES

1. Gaidaev O. S. «Beware of security!» The theory of (in)securitization and the Paris School of International Security Studies. *Vestnik MGIMO*. 2022;(1):7—37. (In Russ.)
2. Akopov S., Proshina E. «The Unfinished Adventure» of the image of the enemy: from securitisation theory to the concept of «Distant Locals». *Vlast*. 2011;(1):89—92. (In Russ.)
3. Buzan B., Waever O., Wilde J. *Security: A new framework for analysis*. L.; 1998.
4. Dillon M. Biopolitics of Security in the 21st Century; an Introduction. *Review of International Studies*. 2008;34(2):269—280.
5. Foucault M. *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. Moscow; 1996. (In Russ.)
6. Romanova S. A., Khabensky B. M. The strategic role of the industry in ensuring national security. *Remedium*. 2008;(4):6—14. (In Russ.)
7. Ivashchenko A. A., Kravchenko D. V. Concept of innovative development of the domestic pharmaceutical industry. *Remedium*. 2008;(5):6—13. (In Russ.)
8. Buchina A. Domestic segment of the Russian pharmaceutical market. *Remedium*. 2008;(1):22—24. (In Russ.)
9. Fedotova O. Domestic pharmaceutical industry: the reality of industry development. *Remedium*. 2007;(8):28—31. (In Russ.)
10. Shirokova I. Russia on the market for innovation. *Remedium*. 2008;(1):25—28. (In Russ.)
11. Svehkopalova G. Officials are rushing to help the pharmaceutical industry. Deadlines for strategy development were shortened by two months. *Pharmaceuticheskij vestnik*. 2008;(10). (In Russ.)